

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.11668

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье выступает философия истории. Это область философского знания, которая занимается постижением исторического процесса, выявляя смысл и направленность истории, расчленение и последовательность основных исторических эпох, соотношение природы и истории, свободы и необходимости в исторической динамике, возможное завершение исторического процесса или, напротив, его бесконечную открытость в будущее.

Эти общие подходы реализуются в спектре более конкретных философских проблем: Зачем люди хранят историческую память? Почему опасно забвение истории? В чём проявляется глубина исторического мышления? Существует ли логика истории? Что означает утверждение: в истории всегда есть выбор? Чем традиционное общество отличается от современного? Почему социальные революции опасны? Что такое «русская идея»? Как развивается история — линейно или циклами, как кружение времён? Что такое информационное общество? Есть в истории прогресс, или она движется к всемирной катастрофе? Эти проблемы философии истории нуждаются в анализе.

Автор опирается в основном на исторический метод, раскрывая логику исторического процесса. Подвергнут критике также позитивистский подход к описанию истории.

Новизна замысла связана с попыткой осветить узловые вопросы современного знания в философии истории. Разумеется, эти проблемы не могут быть решены без рассмотрения ряда чисто гносеологических и логико-методологических вопросов. В частности, французская школа «Анналов» исходит из идеи социального конструктивизма. Исторический факт сам по себе требует осмысления и интерпретации.

Ключевые слова: философия, философия истории, власть, уроки истории, смысл истории, властомания, свобода, тирания, война, поэтика повседневности.

В середине XVI в. французский король Генрих II был абсолютно убежден в незыблемости королевской власти. Венецианские послы постоянно уверяли своих владык в том, что ни одного правителя в мире подданные не чтят так, как французского короля. Полная гармония царит между ним и его подданными. Причем эта идиллия сложилась без всякого насилия. Народ восторгался правителем, а королю не приходилось принуждать их к подчинению. Люди понимали, что королевская власть священна. Это единение выражалось символически в фигуре Геркулеса, из уст которого к ушам государевых подданных протягиваются цепи. Стало быть, слово владыки рождает восторженное и абсолютное повиновение.

Год спустя в Англии выходит сочинение Т. Гоббса «Левиафан»¹. На обложке книги король изображен в виде огромного тела, в которое впечатаны тела подданных. Смысл прост: обезглавить короля

невозможно, это самоубийственный акт: король — это общество. Но в конце XVIII в. французский король Людовик XVI испугался радикальных мер революционеров и даже пытался бежать из страны. Он был пойман, предан суду Конвента и вскоре казнен на гильотине.

Анализируя феномен казни короля, французский философ М. Фуко делает вывод: король больше не сакрален. «Чернь взглянула прямо в лицо короля — и не умерла». Что же случилось с королевской властью, которая была священной, а затем была растоптана? Об этом написано множество исторических и философских трудов. Но стала ли казнь короля историческим уроком для ливийского лидера Каддафи или для его народа? Сам он слишком долго оставался у власти. Но и казнь его оказалась зловещей. Лидера Джамахирии унижали, пытали и даже насильовали.

У пчелиного роя нет истории. Поэтому нет и поучений, осмысления собственной судьбы. Пришли морозы — пчёлы погибли. Некому изложить и

¹ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.

передать другим роям печальную историю. Шёл человек мимо муравейника и бросил папиросу. От муравейника остался лишь пепел. А какая кипучая жизнь кипела у мурашей! Многие из них сновали ради сладкой капельки, которую они несли в муравьиный общак. Нам очень хотелось бы знать, за что порой изгоняют из стройного коллектива несчастного мураша. Что за обычай, чем он не угодил общей колонии? У людей иначе. У них есть историческая память. Так называется пакет передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, размышлений о прожитом. «Да ведают потомки...». Разумеется, транслируются не только подлинные наблюдения и оценки. Рождаются мифы, которые тоже кочуют в веках. Господствуют и субъективные свидетельства и оценки. Однако негативный опыт анализируется с особой тщательностью. Как избежать ошибок прошлого? Как добиться аналитического осмысления прожитого? Возможно ли это в принципе или каждое новое поколение, как считал, к примеру, Артур Шопенгауэр, оказывается заложником собственного социального и жизненного опыта? Он, допустим, был против войны как катастрофического события. Но что делать? Взрослеет новое поколение, не испытавшее бедствий, и вновь начинает играть мускулами...

Писать о прошлом — поразительная человеческая потребность. Казалось бы, кого могут волновать рассказы о той жизни, которая давно исчезла и не оставила следа? Зачем нам наскальные рисунки древних людей, если теперь у нас есть полотна Рубенса или Репина? Люди, особенно сегодня, живут сиюминутными впечатлениями и интересами. Агентам потребительского общества мнится, что наши предки жили убого — без телевизора, гаджетов, сотовых телефонов. Наши современники готовы узнать кое-что о прошлом, но только для того, чтобы убедиться, что «там» ютились в пещерах, убегали от чумы, несли крест крепостного труда, гибли в жестоких войнах. Может быть, в чем-то права поэтесса Инна Лиснянская:

*Вчерашний день искать не надо,
Он канул в завтрашние дни...*

Между тем Эрих Фромм считал, что интерес к прошлому, к родовым корням — это не только поразительная, но и глубинная человеческая потребность. Почему люди хотят ощутить свою причастность ко всему миру? Эта потребность у Фромма обусловлена тем, что, появившись на свет, ребёнок

утрачивает биологическую связь с матерью. На протяжении всей жизни человеку нужны корни, основы, которые создают ощущение стабильности и прочности. Вероятно, именно история способна поддержать эту человеческую надобность. Конкретная жизнь — лишь мгновение во всемирном потоке времени, но она включена в этот водоворот истории. Укоренённость в истории Пушкин считал неотъемлемой для людей. Она обеспечивает человеку устойчивость, причастность к культуре. «Любовь к родному пепелищу», «любовь к отеческим гробам» вселяет уверенность в жизни и воспитывает свободолюбие:

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

Муза истории знаменовала величие и славу людей. Она свидетельствовала о том, чего может достичь человек, как способен разгадать загадку собственного выбора, бессмертия, достигнутого преодолением своего собственного предела. Она изображалась со свитком и грифельной палочкой в руках.

В истории есть и героика, и воодушевление, и торжество духа. Но нередко потомкам, да и исследователям кажется, что всё это находится за пределами здравого смысла. Ну, в самом деле, сколько же раз пришлось убеждаться в бессмысленности революционных потрясений, ведущих к историческим катаклизмам. А революционный пыл не остывает. Не раз приходилось подсчитывать ущерб, нанесённый войнами, а философы и историки по-прежнему увлечены апологией войны. В связи с нынешними событиями на Украине многие политики и военные уже начинают передвигать в своем воображении дивизии, флоты и эскадрильи. Социальные мыслители указывали на ущербность тирании и пагубность властолюбия. Но будущие деспоты по-прежнему жадно толпой стоят у трона. Там же ждут своего часа «свободы, гения и славы палачи». Религиозные мыслители напоминали о Божьем суде. Но властоманы не утрачивали своей ретивости. Социальные страсти перекрывают исторический разум. Неужели каждое поколение принуждено ещё раз проверить точность исторических внушений?

Но вот парадоксальная мысль. Что было бы, если бы уроки истории не утрачивали своей при-

нудительной мощи? История стала бы надёжным навигатором. Поколениям осталось бы только сверять курс и избегать ошибок. История в этом случае утратила бы своё многообразие и неповторимость. Возможно, прекратилось бы вообще историческое творчество. Личности, которые являют чрезвычайное обнаружение человеческого духа, превратились бы в послушных учеников. Не стало ли бы это вечным торжеством «Дня сурка»? Вероятно, каждое поколение имеет право проверить непреложность исторических уроков, испытать собственной жизнью и судьбой правоту накопленной мудрости. И лишь в этом смысле принять или не принять готовые исторические трафареты.

Но это далеко не так. В том, что народы извлекают уроки из исторического процесса, усомнился Георг Гегель. Он писал о том, что история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы². Эту мысль более изящно изложил известный английский писатель Олдос Хаксли. Уроки истории, отмечал он, заключаются в том, что люди ничего не извлекают из этих наставлений. Это кажется парадоксом. Ведь в истории можно проследить свои универсалии. Многое же повторяется. Иногда, как считал тот же Гегель, в виде фарса. Но нередко и в более зловещем варианте.

Это тоже отмечено известными мыслителями. Вот, скажем, французский философ Эдмунд Бёрк сравнил революции, которые случались в Англии. Король Карл I проявил религиозные притязания, которые не поддержал парламент. Начались распри, и вспыхнула гражданская война. Парламент собрал собственную армию, в основном состоящую из крайних протестантов. Её возглавил Оливер Кромвель. Он и его армия решили отделаться от короля. Короля приговорили к смерти как тирана, предателя, убийцу и врага страны. 30 января 1649 года он был обезглавлен на эшафоте, возведённом перед королевским дворцом. Это породило страшное смятение. Неужели это возможно — казнить самого короля? Но во имя чего? Понятное дело — во имя свободы. Но Кромвель сосредоточил в своих руках огромную власть. Он контролировал финансы и суд, руководил внешней политикой. От королевского титула он отказался. Но власть его всё равно оказалась неограниченной.

Особой разницы нет. Отрубят ли голову, как Карлу I и Людовику XVI, расстреляют ли в подвале,

как Николая II или повесят, как Каддафи. Даже если позволят убраться из страны, как Якову II в ходе Славной революции 1688–1689 гг., свободы не станет больше. Обратим внимание на список стран, где Америка за последние 15 лет одержала победу — Ирак, Афганистан, Грузия, Украина, Ливия, Египет. Где же торжество демократии, свободы? Везде воцарился хаос. Сегодня вот журналисты и политики пишут о том, что Украина может превратиться в европейское Сомали. Оказывается, свобода и тирания — тайные побратимы. Русский философ Борис Вышеславцев считал, что обсуждение проблем свободы и рабства, свободы и тирании было центральной мировой проблемой, которая волновала русских философов и поэтов. Отечественная литература всегда была революционной в глубочайшем, духовном смысле этого слова. Пушкин, к примеру, отрицает и ненавидит всё, что связано с неволей, насилием и принуждением. Республиканский Рим рождает в нём уважение («я сердцем римлянин, кипит в груди свобода»). «Вольность» выражает у него высший социальный, правовой и политический идеал поэта.

Но свобода в своем пределе рождает хаос, превращается в тиранию? Выходит, исторический опыт водит нас по кругу — народы стремятся сорвать оковы рабства, но деспотизм всё равно неискореним. Тирания произрастает на почве свободы. Кстати, сегодня эксперты пишут о том, что Америка попала в западню. Она не соотносится с историческим опытом.

В Древней Греции в V в. до н.э. разразились две войны. Первая была направлена против Персидской империи. Афины возглавили борьбу объединённых греческих полисов. Речь шла о свободе Греции, ведь восточным владыкам Афины представлялись лёгкой добычей. Однако вооружённый конфликт оказался продолжительным. Для Греции под угрозой оказалась независимость полисов, даже само их существование как уникального типа социально-политической организации. Они могли оказаться обычными подданными персидских царей, как и десятки других народов. Угроза нависла над древнегреческой культурой. Греция одержала победу. Тогда Афины решили затеять новую войну, со Спартой. Но в этот раз полисы не стали поддерживать власть. Спарта не казалась им такой же опасной, как Персия. Массового воодушевления не получилось.

В своё время Америка начала холодную войну против СССР. Она носила идеологический характер.

² Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории / пер. с нем.: Г. Шпета, А. Водена. М.: Эксмо, 2007. 876 с.

Многие европейские страны поддержали США. Но сегодня такой изоляции России не получится. Об этом свидетельствует исторический опыт.

Но ведь власть в Америке рассчитывает на успех, она хочет сплотить народы против «ослушницы» России. Стало быть, одно дело уроки истории, другое — текущая политика. Именно на этом основании в недавнее время всю историю человечества подвергли сомнению французские «новые философы». Они попытались переосмыслить классические представления о смысле и назначении истории. И здесь получила преобразование проблема ценности исторического опыта вообще. История, по их мнению, тупик. Она не способна разорвать круг заклатья и выбраться из него. На протяжении веков властвует одна и та же идеологема. Любая революция есть отражение «воли к власти», неоспоримый знак властости. Революционеры оказываются такими же тиранами, как и те деспоты, которых они свергали. Не было бы Просвещения, не было бы якобинского террора.

Чтобы разгадать смысл истории, нужны огромные духовные напряжения. Когда, к примеру, появилось такое понятие, как «историческое сознание»? Пожалуй, до XIX в. его вообще не существовало. Сначала исследователи вели речь об исторической памяти. Нужно ли помнить события прошлого? Все ли они заслуживают внимания или подход к ним должен быть сугубо избирательным? Попробуем представить, сколько исторических событий вообще кануло невостребованными, непознанными. Выходит, память не всесильна. Но без неё мы были бы существами мгновения. В известном смысле история сложилась поначалу из анекдотов, притч и детективов, которые рассказывали Геродот и Светоний. Но наступил такой миг, когда эти частные заметки намекнули на некие закономерности в общественных процессах. Так обнаружилась связь времён.

Однако приобрёл неизбежность вопрос о том, что делать с фактами. Их можно возвеличить или опозорить, извратить или восстановить подлинную огранку, забыть или завещать потомкам. В исторической науке долгое время царствовал позитивизм. Эта гуманитарная наука обожествляла социальные факты. Но ведь это кажется аксиомой. Чем ещё должен заниматься историк, если не коллекционированием исторических событий? Поэтому считалось, что он должен освоить как можно больше архивных источников. Чем больше в его распоряжении окажется фактов, тем лучше. Чем

больше фрагментов исторической истины получит историк, тем яснее станут причинно-следственные связи. Так через конкретные факты, их нанизывание можно подойти к осознанию законов исторического развития.

Вот он очевидный парадокс. Монбланы фактов, неизмеримое разнообразие исторических подробностей. Выхватывая отдельные события, можно доказать всё что угодно. Жизнь ведь беспредельно разнообразна. Историю можно выстроить вокруг властителей и полководцев. Но тогда останется без внимания то, что Юрий Лотман называл «поэтикой повседневности». Вероятно, собирание фактов — важная обязанность историков. Но всё равно возникает вопрос, каковы возможности познания истории. Если ценность факта в нём самом, то мы никогда не поймем, что же творилось в давние времена, как жили люди, о чём они думали, к чему стремились. Ведь сама реальность тех веков уже исчезла. Как восстановить её во всех измерениях, если следы в источниках непрозрачны, их нужно не просто воспроизвести, а разгадать их подлинный смысл.

В трудах В. Виндельбанда, Г. Риккерта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность нам не дано. Социальное воображение чрезвычайно значимо. Чтобы осознать смысл исторического процесса, нужно обладать историческим сознанием. Невозможно представить факт как таковой, пока мы не войдём в атмосферу эпохи, в мир других ценностных и житейских представлений. Историк не регистрирует факты, а раскрывает их суть. Историк необходимо реконструировать психику людей далёких эпох. Здесь «импрессионистический» подход не годится. Калейдоскоп фактов без аналитической мысли зачастую сбивает с толку. Именно поэтому лёгкое вживание в эпоху, готовность мгновенно проникнуться мыслями и чувствами людей, живших давно, выглядит подозрительным. Мы невольно смотрим на поступки исторических деятелей, простых тружеников или ратников глазами нашей эпохи. Трудно, к примеру, понять жертвенный поступок Бориса и Глеба, их готовность умереть от злодейской палаческой руки, не оказывая сопротивления, сегодня в эпоху девальвации самоотверженности.

*Недаром Анна Ахматова писала:
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошедшее тлеет.*

Но ведь историческая память подверглась серьёзным испытаниям. Разве в древнем мире не вырубали со стен записи о подвигах предыдущих царей? Недаром говорят, что историю пишут победители. Чтобы прославить себя, можно отыскать своё призвание в героической личности прошлого. Разве Екатерина II не создавала впечатляющую легенду о Петре I? Она приказывала строить дворцы, которые объявляли памятниками петровской эпохи. Не потому ли Фёдор Тютчев пришел к умозаключению, что русская история до Петра I — сплошная панихида, а после Петра Великого — одно уголовное дело. Для чего пишут

историю? Чтобы рассказать, как всё было или для того, чтобы убедить потомков в том, как должно было бы происходить.

Рассказывают, будто Илья Эренбург при встрече с Лионом Фейхтвангером обсуждал эксцессы нацизма. Он даже спросил: «Интересно, что на это скажет история?» Фейхтвангер, как вспоминают, ответил: «Эта сука, как всегда соврёт». Разве сегодня бандеровцы на Украине не пытаются врать про нацизм, несмотря на непреложность фактов. Особенность исторического опыта состоит в том, что он содержит в себе знание, превосходящее представления тех, кто жил в определённую эпоху.

Список литературы:

1. Бердяев Николай. Смысл истории. М., 1990.
2. Бультман Рудольф. История и эсхатология. Присутствие вечности / Перевод с англ. А.М. Руткевич. М., 2012.
3. Буркхардт Якоб. Размышления о всемирной истории. М., СПб., 2013.
4. Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М., СПб., 2012.
5. Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории философии. М., СПб., 2013.
6. Гуревич Арон. Избранные труды. Средневековый мир. М., СПб., 2013.
7. Гуревич Арон. Исторический синтез и школа «Анналов». М., СПб., 2014.
8. Гуревич Арон. История историка. М., СПб., 2012.
9. Мейнике Фридрих. Возникновение историзма. М., СПб., 2013.
10. Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011.
11. Сиземская И.Н. А.И. Герцен о вариативности исторического процесса // NB: Философские исследования. 2013. № 3. С. 229–262. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_469.html).
12. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.

References (transliteration):

1. Berdyaev Nikolai. Smysl istorii. M., 1990.
2. Bul'tman Rudol'f. Istoriya i eskhatologiya. Pristutstvie vechnosti / Perevod s angl. A.M. Rutkevich. M., 2012.
3. Burkkhardt Yakob. Razmyshleniya o vsemirnoi istorii. M., SPb., 2013.
4. Veber Al'fred. Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury. M., SPb., 2012.
5. Gerder Iogann Gotfrid. Idei k filosofii istorii filosofii. M., SPb., 2013.
6. Gurevich Aron. Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir. M., SPb., 2013.
7. Gurevich Aron. Istoricheskii sintez i shkola «Annalov». M., SPb., 2014.
8. Gurevich Aron. Istoriya istorika. M., SPb., 2012.
9. Meinike Fridrikh. Vozniknovenie istorizma. M., SPb., 2013.
10. Obrazy proshlogo. Sbornik pamyati A.Ya. Gurevicha. SPb., 2011.
11. Sizemskaya I.N. A.I. Gertsen o variativnosti istoricheskogo protsessa // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 229–262. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_469.html).
12. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2012.